

Шеховцов А.В. Новый правый радикализм в Европе как предмет исследования в отечественной и зарубежной историографии // Науковий вісник «Гілея»: Зб. наук. праць. – Вип. 9. – К., 2007. – С.299-312.

Шеховцов А.В.

Новый правый радикализм в Европе как предмет исследования в отечественной и зарубежной историографии

Критически рассматриваются исследовательские работы отечественных и зарубежных ученых, посвященные анализу новых праворадикальных партий в Европе. Делается вывод о недостаточности существующих исследований и необходимости анализа политического функционирования крайне правых партий с общеевропейской, а не национальной точки зрения.

Сокрушительная победа СССР и союзников над военной мощью европейского фашизма в 1945 году заложила фундамент «пост-фашистской эпохи». Однако было бы ошибочным считать, что фашистская идеология умерла вместе с Гитлером или вследствие ее осуждения на Нюрнбергском процессе. «Следуя дарвинистской логике мутации, по-видимому, одинаково справедливой как для политических, так и для биологических явлений, в «пост-фашистскую эпоху» силы революционного национализма инстинктивно выбрали две стратегии выживания» [7,38].

Первая стратегия представляет собой частичную трансформацию «исторического фашизма», которая была принята на вооружение мелкими группировками и организациями, оставившими «всякие надежды на образование ядра массового движения» и приняли форму «кадровой организации, управляемой малочисленной элитой активистов-самовыдвиженцев, которая преследует идеологические, организационные или антиправительственные цели» [7,38].

Несмотря на реальность угроз – в первую очередь, террористических – которые могут представлять такие организации, она не дает оснований для переоценки роли и перспектив данного типа правого

радикалізму. «Слишком тесная связь с бесславным прошлым предельно сужает способность таких неофашистских организаций выйти за узкие пределы круга своих традиционных сторонников» [16,128], «мелких, узкоспециализированных и индивидуализированных группок» или группускул [7,44].

Партии, придерживающиеся второй стратегии правого радикализма в «пост-фашистскую эпоху», имеют большие перспективы, так как они пытаются «сохранить электоральную привлекательность путем снижения или отказа от революционного программного накала и перевода его – в допустимых пределах – на язык либеральной демократии» [7,38].

В отечественной литературе изучению современных праворадикальных партий уделялось недостаточное количество внимания. Отечественные исследователи в большинстве случаев анализировали политическое функционирование лишь таких партий как Национал-демократическая партия Германии (НДПГ), Итальянское социальное движение и французский «Национальный фронт» (НФ). Некоторое внимание уделялось также французским «Новым правым». Учитывая определенную, хотя и ограниченную, преемственность «исторического фашизма» и нового правого радикализма, исследованиями современной разновидности феномена часто занимались специалисты по родовому фашизму, среди которых мы выделяем А.А. Галкина [16], Б.Р. Лопухова [19], А.Е. Ефремова [17], А.С. Бланка [14], Г.С. Филатова [23] и В.Б. Ломейко [18]. Анализ французских «Новых правых», не претендующих на прямое участие в политическом процессе и предпочитающих следовать стратегии «правого грамшизма», содержится в работах таких авторов как Панарин А.С. [20] и Воронкова В.Г. [15].

Главной причиной возникновения современных праворадикальных партий в развитых капиталистических странах отечественные исследователи считали экономический кризис, а также разочарование в способах функционирования парламентской демократии. В своей работе об НДПГ В.Б. Ломейко выделил четыре типа членов партии: бывшие члены Национал-социалистической рабочей партии Германии – «приверженцы тоталитарной системы, сохранившие верность «третьему рейху»; граждане, утратившие веру в «боннскую демократию» вследствие недолговечности западногерманского «экономического чуда»; «жертвы ухищренной неонацистской демагогии», для которых вступление в партию обусловлено протестом против системы и/или политической неграмотностью; и «неудачники, потерпевшие фиаско в политической или общественной жизни» [18,143-144].

А.Е. Ефремов, также посвятивший свою работу анализу НДПГ, делает схожие выводы: во второй половине 1960-х годов ФРГ переживала экономический кризис, что явилось «одной из основных причин... быстрого усиления влияния [НДПГ] среди избирателей» [17,35]. Кроме того, Ефремов делает важный вывод о том, что своим относительным успехом НДПГ обязана не только тому, что население ФРГ разочаровалось в политическом курсе правящих партий, но также тому факту, что у граждан создалось впечатление, что основные западногерманские партии – как правящие, так и оппозиционные –

перестали отличаться друг от друга в основных положениях своих программ [17,38]. При этом НДПГ перестала позиционировать себя как партию, ставящую под сомнение принципы парламентской демократии, но «стала изображать себя подлинно оппозиционной партией», в популистском ключе обещая выполнять все пожелания большинства избирателей в случае прихода к власти [17,47].

В исследованиях Ломейко и Ефремова, несмотря на присутствие в них ряда интересных и справедливых наблюдений, уделяется слишком большое внимание экономическим факторам относительных электоральных успехов правого радикализма, который они исследовали на примере НДПГ. Как показали дальнейшие исследования, экономические факторы – в том числе серьезные экономические кризисы – играют важную, но ограниченную и не критическую роль в росте популярности праворадикальных партий. Для работ Ломейко и Ефремова также характерен некоторый схематизм, который не позволяет авторам полностью раскрыть сущность феномена.

Одним из первых всесторонних исследований, посвященных современному правому радикализму, была монография А.А. Галкина «Социология неофашизма», в которой автор проанализировал крайне правые партии ФРГ, Италии, Франции, Великобритании и США. Говоря о причинах возникновения таких партий в капиталистических странах, Галкин – так же, как и другие исследователи того времени – сделал вывод о том, что электоральный успех современного правого радикализма является результатом кризиса капиталистической системы: «Правые радикалы эксплуатируют глубокое недовольство пороками системы, ее неспособностью решить назревшие общественные проблемы. Поэтому их «звездный час» наступает в то время, когда противоречия господствующей системы выступают наружу и кризис принимает острые формы» [16,134].

В отличие от ряда других исследователей Галкин считал, что «кризис господствующей системы» имеет не только экономические (хотя автор и считает их основными), но также политические, социальные и культурные аспекты. Можно выделить четыре основные причины подъема современного правого радикализма, выделенных Галкиным: общий кризис капитализма во второй половине 1960-х годов; разочарование в идеалах «общества потребления» особенно в протестных молодежных кругах; ломка социальной структуры, вызванная научно-технической революцией и быстрым промышленным развитием; и разочарование в парламентаризме. Автор также выделил национальные особенности, обусловившие относительный электоральный успех крайне правых: приток иммигрантов во Франции и Великобритании, а также потеря социального статуса т.н. перемещенных беженцев в ФРГ. На основе статистического анализа Галкин рассмотрел социальный статус членов праворадикальных партий и их электората, а также сделал важное наблюдение о том, что современные праворадикальные партии подчеркивают свою лояльность существующему политическому порядку и открыты для сотрудничества с другими – в основном консервативными – политическими силами.

«Социология неофашизма» стала значительным прогрессом в отечественных политологических исследованиях современного пра-

вого радикалізму, однак в даній роботі також присутні деякі недоліки, ставши очевидними в контексті подальшого вивчення феномена. Серед таких недоліків ми виділяємо переоцінку автором потенціалу лівих демократических сил во впливі як на еволюцію самих крайніх правих партій, так і на результати їх участя виборах, а також недочети методологічного характеру, в особливості відсутність можливості порівняти результати статистических досліджень во всіх вивчаємих країнах по причині несумісності тем таких досліджень во відношенні кожної з країн.

Другим важливим дослідженням в контексті вивчення сучасного правого радикалізму є робота Б.Р. Лопухова о неофашизмі. Во своїй книжці автор уделів велике увагу аналізу ідейно-політических установок крайніх правих партій во Німеччині, Франції, США, Великій Британії, Італії, Іспанії, Чилі і не партійно-політических груп вроді «Нових правих». На прикладі НФ Лопухов відмічав, що ідеологіческою основою правого радикалізму є антикомунізм, расизм (отождествляемый автором с неприязню к иммигрантам), «требования об укреплении семьи, законности и порядка, о возвращении к христианским и национальным ценностям» [19,161].

Говоря о позиционировании крайних правых партий по отношению к истеблишменту, автор відмічав, що ««новый» фашизм направлен... против буржуазно-либеральной и буржуазно-демократической системы. Оппозиция фашистов перерастает рамки этой системы, является ее отрицанием» [19,20]. Важливим зауваженням автора було вказання на те, що серед причин, оказывающих негативное влияние на электоральный успех праворадикальных партий, являются плохая организация, отсутствие сильного и популярного лидера, а также заимствование консервативными партиями некоторых лозунгов крайних правых [19,163].

Необходимо отметить, что Лопухов разделял понятия «неофашизм» и «современный правый радикализм», однако данное таксономическое разделение не в полной мере реализовано в его монографии, т.к. одни и те же политические партии называются одновременно «неофашистскими» и «современными праворадикальными». Кроме того, автор ошибочно отождествляет ультра-консервативных «Новых правых» в США с современными правыми радикалами.

А.С. Панарин анализировал феномен французских «Новых правых» в одной из глав своего исследования «Стиль «ретро» в идеологии и политике». Необходимо подчеркнуть, что «Новые правые» не являются партийно-политическим явлением, однако идеологи этого философско-политического направления оказывают значительное влияние на доктринальные установки многих новых праворадикальных партий. По мнению Панарина, вопросы поднимаемые «Новыми правыми», «отражают реальные проблемы социальной и культурной жизни, касающиеся большинства людей» [20,157]. К таким проблемам автор относит дегуманизацию человеческого существования, обусловленную «вытеснением культуры на периферию общественного внимания», проблему сохранения национальных культурных

традицій і кризис економічного, політичного і культурного європоцентризма [20,157-158].

На основі нормативно-ціннісного підходу Панарин критикує ідеологію французьких «Нових правих» і приходять до висновку, що їх безпечність о збереженні самобитної західноєвропейської культури в контексті глобалізації в дійсності викликане расизмом, міжімперіалістическим суперництвом і спробами утвердити свій західноєвропейський глобалізм.

В цілому в отечественній політологічеській літературі, особливо в останні роки, спостерігається недолік актуальних досліджень сучасного правого радикалізму. Найбільшою увагою з боку отечественних учених даний феномен користувався в 1970-80-і роки в зв'язі з активізацією крайні правих партій в ряду європейських країн після періоду післявоєнної стагнації, однак в течение останніх п'ятнадцяти років – коли за думкою багатьох сучасних дослідників нові праворадикальні партії стали користуватися набагато більшою політичеською впливом, ніж в попередні роки – отечественні політологи практичеськи ігнорують даний феномен (виключення складають лише кілька окремих статей [24;21;25]), що, вне всяких сумнівів, обумовлено переносом уваги к внутрішній українській політиці. З іншої сторони, той же інтерес к внутрішній – но не національній, а загальноєвропейській – політиці являється неослабеваючою рухомою силою для європейських політологів, тому не дивительно, що дослідження сучасних праворадикальних партій проводяться в більшості випадків іменно іми. Серед авторів новітніх порівняльних досліджень сучасних праворадикальних партій ми виділяємо Х.-Г. Бетца [1], Г. Китшельта [8], М. Минкенберга [9], П. Ігнаці [5] і Э.Л. Картер [2].

Х.-Г. Бетц в своїй монографії «Праворадикальний популізм в західній Європі» відзначає, що збільшення електоральних досягнень крайні правих партій в кінці 1980-х – початку 1990-х років в корні відрізняється від випадкових успіхів правих радикалів в 1960-х роках, яких автор називає «реакційними ретроградами», і в нинішнє час являється транснаціональним політичеським феноменом. Говорячи о загальносоціально-політичеській ситуації, на фоні котрої відбувалося становлення даного феномена, Бетц пише, що «політичеський клімат 1980-х характеризувався розчаруванням в основних соціальних і політичеських інститутах і глибоким недовіром к їх роботі, ослабленням і розпадом електоральних союзів, збільшенням політичеської фрагментації і ослабленням електоральної стійкості» [1,2].

Автор відзначає, що праворадикальний популізм має дві межі. З однієї сторони, представителі даного напрямку демонструють приверженність неолиберальної економічеської філософії і критикують систему соціального забезпечення в капіталістических країнах, котра, за їх думкою, породжує бюрократію і надмірне оподаткування. З іншої сторони, праворадикальні популісти характеризуються крайні негативним ставленням к іммігрантам, в котрих вони бачать причину упадку національної культури і зростання злочинності. Як вважає Бетц,

анти-иммигрантские лозунги крайне правых партий привлекают, прежде всего, представителей рабочего класса, а среди образованных, штатных рабочих поддержка таких партий имеет негативную тенденцию. Анализируя электорат праворадикальных партий, автор утверждает, в основном за них голосуют «жертвы модернизации», т.е. люди, которые не могут приспособиться к быстро меняющейся экономической ситуации, вследствие низкого уровня трудовой мобильности. По мнению Бетца, такие «жертвы модернизации» чаще всего встречаются среди промышленных рабочих и представителей старого среднего класса.

В целом автор считает, что «возникновение и подъем праворадикальных популистских партий в 1980-х годах стали прямой реакцией на переход от индустриального «велферного» капитализма к постиндустриальному индивидуализированному капитализму» [1,170], который, в свою очередь, стал причиной «ускорения процесса общественной фрагментации и индивидуализации в виде распада традиционных общественных связей, субкультур, окружения, последовательно заменяемых неформальными сетями и личным самопродвижением» [1,176].

Несмотря на значительные успехи в анализе современного правого радикализма, работа Бетца обладает рядом недостатков, которые были выявлены в процессе дальнейших исследований. Во-первых, исключая из своего анализа «реакционных ретроградов», Бетц не учитывает исключительную способность правого радикализма к адаптации, структурной трансформации и варьированию в политическом пространстве. Во-вторых, говоря об электоральных возможностях крайне правых партий, автор в большей степени уделяет внимание общественно-политическому контексту и уровню праворадикальных настроений в самом обществе, но при этом практически игнорирует организационные и функциональные возможности партий как таковых: даже в самой благоприятной ситуации праворадикальные партии не смогут добиться существенных результатов на выборах, если они обладают слабой организацией и не имеют сильного партийного руководства.

Монография «Правый радикализм в Западной Европе» немецкого политолога Г. Китшеля стала классическим сравнительным исследованием крайне правых партий и по-прежнему остается влиятельной работой в научной дискуссии в отношении исследуемого феномена. Китшель рассматривал новый правый радикализм с точки зрения трансформации западноевропейской партийной системы. На основе анализа экономической и общественно-политической ситуации, а также электоральных показателей праворадикальных партий в восьми европейских странах автор сделал вывод, что успех таких партий зависит от трех основных предпосылок: наличие развитого капиталистического постиндустриального общества, углубляющее политические противоречия между лево-либертарными и право-авторитарными избирателями; стратегическое сближение (конвергенция) основных – экономически левых и правых – партий, т.е. социал-демократов или социалистов, с одной стороны, и христианских демократов или консерваторов – с другой; реализация крайне правыми партиями «победной формулы», подразумева-

ющей сочетание либерально-рыночных экономических взглядов с приверженностью политической авторитарной позиции по вопросам демократии прямого участия, гражданского статуса и свободы выбора образа жизни [8,275].

Рассматривая социальный состав электората крайне правых партий, Китшельт пришел к выводу, схожему с выводами Бетца: лозунги современных правых радикалов находят наибольшую поддержку среди промышленных рабочих, мелкой буржуазии и незанятого населения (пенсионеров, безработных и занятых домашним трудом) и меньшую – среди офисных и социальных работников, бизнес-профессионалов и студентов [8,10]. Особенного внимания заслуживает тезис Китшельта о необходимости дифференциации рабочего класса при рассмотрении его потенциала в качестве электората крайне правых партий. В соответствии со своей схемой дифференциации автор выделил три группы среди рабочего класса в зависимости от характера и сектора занятости. Так, работники средней квалификации, занятые в сокращающемся, но защищенном государством производственном секторе, склонны к лево-авторитарной политике; высококвалифицированные рабочие, занятые в производственном секторе, вовлеченном в международную конкуренцию, обычно придерживаются центристских позиций; а малоквалифицированные работники физического труда («жертвы экономической модернизации»), которые, если и не поддерживают полностью прокапиталистические экономические идеи, в большей степени, чем первые две группы, открыты для поддержки авторитарных и националистических лозунгов новых праворадикальных партий [8,8-9].

Работа Китшельта оказала глубокое позитивное влияние на все последующие исследования крайне правых европейских партий, однако в своем исследовании автор акцентирует чисто политические и чисто экономические аспекты подъема праворадикальных партий, а анализ культурно-исторических факторов остается за рамками исследования, что снижает точность методологической модели, предложенной автором.

Другой немецкий политолог, М. Минкенберг, в своей книге «Новый правый радикализм в сравнении» во многом корректирует выводы Китшельта. В частности, Минкенберг уделяет равное внимание как структуре политических возможностей современных праворадикальных партий, которые он исследует на примере Германии, Франции и США, так и не-политическому контексту реализации их электорального потенциала. Как и Китшельт, Минкенберг признает, что современные крайне правые партии являются относительно новым политическим феноменом, однако автор подчеркивает преемственность праворадикальной мысли фашистской и «пост-фашистской» эпохи на основе анализа концепций национализма, фашизма и консерватизма. В основе методологической модели автора лежит тезис о том, что студенческие восстания 1968 года в ряде капиталистических стран заложили основу радикального изменения культурного, общественного и, как следствие, экономико-политического дискурса. События 1968 года положили начало «цивилизационному» сдвигу от материалистического к пост-материалистическому обществу. Теория пост-материализма была разрабо-

тана американским социологом Р. Инглхартом, который утверждал, что капиталистическое общество, удовлетворив базовые материалистические потребности человека (физиологические потребности и потребность в безопасности), переходит в пост-материалистическую фазу развития, в рамках которой на первое место в жизни человека выходят вопросы творческой самоактуализации, личной свободы, эстетики и экологии. За либертарной пост-материалистической революцией последовала право-авторитарная «безмолвная контрреволюция», нашедшая выражение не в массовых протестных выступлениях, но в появлении новых крайне правых партий, противостоящих переоценке «старых», традиционных ценностей [6].

Таким образом, среди признаков, характеризующих современный правый радикализм, Минкенберг выделяет контрреволюционность в отношении «новых левых» и их сторонников, а также «этнократическую» систему взглядов, сочетающую этноцентризм и авторитаризм. Несмотря на то, что автор также использует понятие «жертвы модернизации» при анализе электората новых праворадикальных партий, он указывает на утрату избирателями не столько социо-экономического статуса, сколько прежних ценностных ориентиров.

При всей важности и авторитетности работы Минкенберга ее очевидным недостатком является выбор сравниваемых стран: самой успешной из анализируемых автором партий является французский НФ, в то время как в ФРГ ни одна из праворадикальных партий за всю историю своего существования не показала значимых результатов на выборах в Бундестаг, а в США правый радикализм имеет скорее субкультурный политический статус, несмотря на то, что отдельные правые радикалы участвуют в выборах в палату представителей по спискам Республиканской партии. Кроме того, исследование Минкенберга носит излишне описательный характер: цели его работы, а также выдвигаемые и опровергаемые гипотезы, как справедливо отметил немецкий политолог А. Умланд [22], сформулированы нечетко, вследствие чего неясны основные результаты исследования.

Итальянский политолог П. Игнаци попытался оспорить некоторые выводы предыдущих авторов. Как и Минкенберг, Игнаци в своей монографии «Правоэкстремистские партии в Западной Европе» выдвигает тезис об эволюции постиндустриального общества, как одной из основных причин возникновения нового правого радикализма. Однако, в отличие от Минкенберга, автор переносит «водораздел в истории послевоенного правого экстремизма» на 1980-е годы. Игнаци пишет, что, если до 1980-х годов понятие «правый экстремизм» было синонимично «неофашизму», то современные крайне правые партии, возникшие в 1980-х годах, к неофашизму никакого отношения уже не имеют. По мнению автора, эти партии «не пытаются воскресить «палингенетический миф» фашизма, но стремятся дать ответ на требования и нужды, выдвигаемые постиндустриальным обществом и которые неспособны удовлетворить традиционные партии» [5,2].

Автор выдвигает концепцию «пост-материалистического правого экстремизма», т.е. такого крайне правого политического течения,

которое возникает в качестве «безмолвной контрреволюции» против пост-материализма и является «побочным продуктом» конфликтов постиндустриального общества. Таким образом, Игнаци выделяет два типа правоэкстремистских партий: пост-материалистические, т.е. новые, возникшие в 1980-х годах, и традиционные, существовавшие в «пост-фашистскую эпоху» до 1980-х годов и идеологически связанные с фашистским мировоззрением [5,33].

Кроме того, по мнению автора, решающую роль в категорическом преобразовании неофашизма в новый, постиндустриальный правый экстремизм сыграло «новое правое мышление», введенное в политический дискурс 1980-х годов американскими и британскими неоконсерваторами, а также французскими «Новыми правыми».

Игнаци ставит под сомнение тезис Китшеля о том, что успеху современных праворадикальных партий способствует конвергенция основных левых и правых партий. Автор анализирует эволюцию партийной системы европейских стран в конце 1970-х – начале 1980-х годов и приходит к выводу, что до подъема правоэкстремистских партий традиционные консервативные партии совершили идеологический сдвиг не к центру политического спектра, а к правому флангу, и только после первых электоральных успехов крайне правых, а также возвращения консервативных партий в национальные правительства последние заняли более центристские позиции [5,208]. На основе этих наблюдений Игнаци отвергает тезис Китшеля о конвергенции традиционных партий, предшествующей подъему крайне правых, и выдвигает гипотезу о критической роли поляризации партийной системы и идеологической радикализации в процессе развития крайне правых.

В целом, среди факторов, обусловивших политическую реализацию «безмолвной контрреволюции» правых экстремистов, Игнаци называет радикализацию политического дискурса; поляризацию партийной системы; появление и политизацию новых проблем; низкий порог для прохождения партий в национальные парламенты; углубление кризиса легитимности и доверия существующей политической системе; а также растущее недовольство корпоративной моделью государственного управления и клиентелизмом, включающим в себя политическую коррупцию [5,202-203].

Игнаци представил интересный обзор новых праворадикальных партий в 12 европейских странах, однако в его монографии отсутствует серьезный сравнительный анализ исследуемых партий, несмотря на очевидные предпосылки к такому анализу. Кроме того, автор недостаточно полно раскрывает свой тезис о «постиндустриальном правом экстремизме» в контексте отсутствия значимого электорального успеха крайне правых партий на общенациональных выборах в ФРГ, Великобритании, Португалии и Испании. Спорным теоретическим положением является также утверждение автора о поляризации партийной системы как о предпосылке к подъему крайне правых партий в Западной Европе. Другой проблематичной формулировкой является тезис Игнаци об отсутствии связи между новым правым радикализмом и неофашизмом. Эти два феномена, вне всяких сомнений, имеют существенные отличия, и было бы ошибкой использовать термин «неофашизм» для обозначения всех новых

крайне правых партий. Тем не менее, данное разграничение игнорирует природу «исторического фашизма», как одной из разновидностей правого радикализма: фашизм возник в уникальных условиях межвоенного времени, и, вследствие необратимости исторических процессов, он не может быть воссоздан в той же форме, поэтому в каждой новой эпохе правый радикализм будет находить ту стратегию реализации, которая будет соответствовать особой конфигурации политических, социо-культурных и экономических условий. Тезис Игнаци о категорическом разграничении неофашизма и «постиндустриального правого экстремизма» имеет также методологический недостаток: те характеристики, которые автор относит на счет новых крайне правых партий – стремление к дестабилизации демократической системы, отказ от идей парламентаризма, плюрализма и всеобщего равенства – могут в равной степени использоваться для описания программных установок подлинно фашистских или неофашистских партий.

Монография Э.Л. Картер «Правый экстремизм в Западной Европе» является в некоторой степени узкоспециализированным исследованием. На основе анализа внутренней организации, идеологии и электоральных показателей 40 праворадикальных партий, участвовавших в политическом процессе четырнадцати европейских стран с 1979 по 2003 год, Картер попыталась выяснить, какие факторы политического предложения оказывают наибольшее влияние на успех крайне правых партий на электорально-политическом рынке, причем проблема политического спроса была намеренно оставлена автором за рамками исследования. В своей работе Картер выявила четыре группы факторов политического предложения с точки зрения их влияния на электоральные успехи различных праворадикальных партий: тип идеологии; внутренняя организация партий и партийное руководство; факторы, связанные с партийной системой того или иного государства, включая вопрос о значимости конвергенции основных левых и правых партий; и факторы влияния национальных электоральных институтов.

Картер различает пять идеологических типов современных праворадикальных партий: неонацистские, неофашистские, авторитарные ксенофобские, неолиберальные ксенофобские и неолиберальные популистские. Автор подчеркивает, что тип идеологии является лишь одним из факторов, влияющих на результаты партий на национальных выборах, однако проведенные исследования позволили Картер сделать вывод, что авторитарные ксенофобские, неолиберальные ксенофобские и неолиберальные популистские партии имеют значительное преимущество перед двумя другими типами партий [2,60-61].

В отношении внутренней организации и партийного руководства Картер выделяет три типа партий: хорошо организованные, имеющие сильного лидера, но разделенные на фракции; плохо организованные, имеющие слабого лидера, но единые; и плохо организованные, имеющие слабого лидера и разделенные на фракции. Автор приходит к выводу, что наибольшему успеху партий на выборах способствует наличие у них сильных харизматичных лидеров и централизованных организационных структур. Картер также

доказывает, что степень разделенности партии на фракции не оказывает особого влияния на электоральные показатели [2,98-99].

Другим результатом исследования Картер стал вывод о том, успех правоэкстремистских партий зависит от наличия политического пространства справа от того сегмента, в котором традиционно функционируют системные правые партии. Чем умереннее консервативные партии, тем большим политическим пространством обладают правые экстремисты. Кроме того, Картер утверждает, что относительная умеренность правоэкстремистских партий обуславливает более высокий уровень электоральных показателей, что было подтверждено автором в отношении идеологического фактора: неонацистские и неофашистские партии менее успешны в западноевропейских странах, чем три остальных более умеренных идеологических типа. Автор также подтверждает тезис Китшеля о том, что высокая степень конвергенцию основных левых и правых партий позитивно влияет на успех правых экстремистов [2,141].

Особенности национальных электоральных институтов, «правила политической игры» – четвертый фактор политического предложения – имеет, по мнению Картер, ограниченное влияние на успех или поражение правых экстремистов на выборах [2,195].

Работа Картер стала важным вкладом в исследование феномена современного радикализма, однако ее анализ отличается некоторой субъективностью, главным образом, в отношении дифференциации идеологических разновидностей правого экстремизма, а также типов внутренней организации и партийного руководства. Автору также не удалось четко разграничить факторы возникновения праворадикальных партий в целом и факторы, влияющие на их электоральные достижения.

Как видно из краткого анализа вышеперечисленных работ, все они посвящены крайне правым партиям Западной Европы, за исключением отдельных сравнительных исследований, в которых внимание – помимо западноевропейских стран – уделяется также США, Австралии и Новой Зеландии.

Однако из поля зрения политологов выпадает такой важный регион как Восточная Европа, в которых праворадикальные партии не только наличествуют, но и добиваются значительных результатов на общенациональных выборах. Примерами успешных праворадикальных партий являются Словацкая национальная партия, «Лига польских семей» – обе партии входят или входили в правительственные коалиции, - а также «Великая Румыния» (ВР) и болгарская «Атака».

В условиях глобализации и евроинтеграции политологическое разделение Западной и Восточной Европы скорее является атавизмом времен «холодной войны», чем реальным положением вещей. Существуют мнения, что партийно-политическая система западноевропейских стран в корне отличается от системы восточноевропейских, пост-коммунистических стран, что препятствует применению единой методологии для изучения крайне правых партий западноевропейских и восточноевропейских стран.

Вне всяких сомнений, два бывших враждебных блока имеют разную политическую, экономическую и социальную эволюцию, одна-

ко эти различия не следует абсолютизировать. В конечном счете, в новейших исследованиях, посвященных немецким праворадикальным партиям, Германия рассматривается в актуальной целостности, а не с точки зрения прошлого разделения на ФРГ и ГДР. Кроме того, необходимость отказа от «стигматизации» отличий между Западной и Восточной Европой, обусловлена эмпирическими наблюдениями: во фракции Европейского Парламента «Самобытность, традиция, суверенитет» состоят как представители «Атаки» и ВР, так и французского НФ и бельгийского «Фламандского интереса».

Пример с составом данной фракции Европейского Парламента показывает, что новые праворадикальные партии успешно преодолели разделение на Западную и Восточную Европу. Еще более убедительным доказательством того, что в современном мире термины «холодной войны» утрачивают актуальность и объективную обоснованность, служит то обстоятельство, что на уровне движений и политических субкультур сближение – если не фактическая интеграция – правых радикалов западноевропейских, североамериканских и восточноевропейских стран произошло еще раньше, чем образование кросснациональных объединений на партийно-политическом уровне – не в последнюю очередь благодаря глобальной компьютерной сети Интернет. Именно на Интернет-форуме «Белого националистического сообщества» «Штормовой фронт», зарегистрированного в США [13], встречаются и обмениваются мнениями представители праворадикальных субкультур практически всех регионов мира, включая не только европейские и североамериканские страны, но также Австралию, Новую Зеландию и ЮАР.

Динамика политологических публикаций, которые не ограничиваются рассмотрением новых праворадикальных партий только «западных стран» (страны Западной Европы, а также страны т.н. англосаксонского мира – США, Канада, Австралия и Новая Зеландия), значительно отстает от динамики развития самого правого радикализма в качестве общеевропейского феномена. Исключением из общего правила в подавляющем большинстве случаев являются сборники статей, например, «Крайне правые в Западной и Восточной Европе» под редакцией Л. Челес и др. [3], «Правый радикализм в Центральной и Восточной Европе с 1989 года» под редакцией С. Рамет [11] и «Политика правого экстремизма: из периферии в мейнстрим» под редакцией П. Хейнсворта [4].

По объективным причинам подобные сборники статей не могут рассматриваться как полноценные компаративные исследования, главным образом по причине отсутствия единой методологии и подлинного кросснационального сравнения. Единственной монографией, в которой анализируются крайне правые партии Западной и Восточной Европы, на сегодняшний день является недавно опубликованная монография бельгийского политолога К. Мудде «Популистские праворадикальные партии в Европе» [10]. Во вступлении к своему исследованию Мудде справедливо отмечает, что «панъевропейская перспектива» в исследованиях правого радикализма, во-первых, позволяет увеличить количество единиц сравнения, таким образом, способствуя углублению политологического понимания нового правого радикализма как наднационального феномена, и, во-

вторых, подобная перспектива объективно оправдана, вследствие того, что «т.н. Восток уже стал или станет частью т.н. Запада вследствие вступления в Европейский Союз» [10,3]. Действительно, вестернизационные, евроцентрические и в целом глобализационные процессы в странах (бывшей?) Восточной Европы нивелируют прежние различия, которые в обозримом будущем могут стать абсолютно нерелевантными.

Все большее количество исследователей признает, что «возрождение правого экстремизма стало в той или иной мере общеевропейским явлением» [12,95], поэтому современные исследования европейских крайне правых партий необходимо проводить именно с «панъевропейской точки зрения», в контексте которой объективные различия в историко-политической и экономической эволюции регионов не игнорируются, но также и не рассматриваются в качестве препятствий для применения единой методологии анализа.

Литература

1. *Betz H.-G.* Radical Right-wing Populism in Western Europe. – New York: St. Martins Press, 1994. – 226 p.
2. *Carter E.L.* The Extreme Right in Western Europe: Success or Failure? – Manchester: Manchester University Press, 2005. – 271 p.
3. *Cheles L., Ferguson R., Vaughan M. (eds.)*. The Far Right in Western and Eastern Europe. – London: Longman, 1995. – 378 p.
4. *Hainsworth P. (ed.)*. The Politics of the Extreme Right: From the Margins to the Mainstream. – London: Pinter, 2000. – 322 p.
5. *Ignazi P.* Extreme Right Parties in Western Europe. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – 259 p.
6. *Inglehart R.* The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles among Western Publics. – Princeton: Princeton University Press, 1977. – 482 p.
7. *Griffin R.* From Slime Mould to Rhizome: An Introduction to the Groupuscular Right // Patterns of Prejudice. – 2003. – №37/1. – pp.27-50. См. также русскоязычную версию данной статьи в нашем переводе: *Гриффин Р.* От слизевиков к ризоме: введение в теорию группускулярной правой // Верх и низы русского национализма / Под. ред. А.М. Верховского. – М.: Информационно-аналитический центр «Сова», 2007. – С.223-254.
8. *Kitschelt H., McGann A.J.* The Radical Right in Western Europe: A Comparative Analysis. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1995. – 330 p.
9. *Minkenberg M.* Die neue radikale Rechte im Vergleich: USA, Frankreich, Deutschland. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1998. – 411 p.
10. *Mudde C.* Populist Radical Right Parties in Europe. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 385 p.
11. *Ramet S.P. (ed.)*. The Radical Right in Central and Eastern Europe since 1989. – Pennsylvania: Pennsylvania State University Press, 1999. – 383 p.
12. *Rensmann L.* The New Politics of Prejudice: Comparative Perspectives on Extreme Right Parties in European Democracies // German Politics & Society. – 2003. – №21/4. – pp.93-123.
13. *Stormfront White Nationalist Community* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.stormfront.org/forum> 13 октября 2007 г., 15:55:36.
14. *Бланк А.С.* Старый и новый фашизм. – М.: Политиздат, 1982. – 257 с.
15. *Воронцова В.Г.* Современный французский консерватизм. – К.: Лыбидь, 1990. – 132 с.

16. *Галкин А.А.* Социология неофашизма. – М.: Издательство «Наука», 1971. - 198 с.
17. *Ефремов А.Е.* Коричневая угроза. – М.: Политиздат, 1970. – 152 с.
18. *Ломейко В.Б.* Есть ли шансы у нового Адольфа? – М.: Издательство «Международные отношения», 1968. – 208 с.
19. *Лопухов Б.Р.* Неофашизм: опасность для мира. – М.: Молодая гвардия, 1985. - 175 с.
20. *Панарин А.С.* Стиль «ретро» в идеологии и политике. Критические очерки французского неоконсерватизма. – М.: Мысль, 1989. – 220 с.
21. *Романюк А.С.* Крайні праві політичні партії – як нова сім'я політичних партій країн Західної Європи // Вісник Львів. Ун-ту. Серія Міжнародні відносини. - Вип. 15. - Л., 2005. - С.131-141.
22. *Умланд А.* Сравнительный анализ новых крайне правых групп на Западе (По поводу книги М. Минкенберга) // Политические исследования. – 2001. - № 3. - С.174-179.
23. *Филатов Г.С.* Фашизм, неофашизм и антифашистская борьба в Италии. - М.: Наука, 1984. - 381 с.
24. *Шевчук М.А.* ФРН: демократія і правий екстремізм // Питання нової та новітньої історії: Міжвід. наук. зб. – Вип. 40. – К., 1994. – С.57-68.
25. *Шеховцов А.В.* Правий радикалізм у сучасній Греції: загальний контекст і перспективи розвитку // «Гілея (науковий вісник)»: Зб. наук, праць. - К., 2007. - Вип. 8.- С.182-195.